создано „в районе Верхнего Поволжья“ между 1610 и 1620 гг., так как 1) в нем имеется „польское слово «шкапа», занесенное в Россию, очевидно, во время польской интервенции, 2) новая форма имени героя (Илья Муромец вместо старой формы Илья Муровленин), неизвестная еще в XVI веке“.[1]

Предлагаемая работа не ставит себе целью анализ сюжета „Сказания“, его композиции и вариантов в отношении к былинам, содержащим сходные элементы. В данном случае задача ограниченная — путем анализа отдельных элементов языка и стиля решить вопрос о том, 1) является ли „Сказание“ „книжным“ произведением или оно — запись устного произведения, хотя и сделанная весьма несовершенно и 2) найти в языке достаточно достоверные данные для локализации „Сказания“.

В. Ф. Миллер доказывает в своих „Очерках“,[2] 1) что „Сказание“ является книжным, письменным произведением (хотя и опирающимся на устную традицию), созданным каким-то „грамотеем“; 2) что „Сказание“ — памятник московский. Доказательства свои В. Ф. Миллер строит на анализе языка и стиля произведения.

Он пишет: „...как увидим сейчас, этот великий князь говорит Илье Муромцу «с товарищами» тем языком, которым писались грамоты московскими дьяками: «или то вамь несвѣдомо богатырем что отпущает на меня царь костянтин из царя града 42 богатырей а велит имь Кѣевь изгубити; и вы б нынеча никуды не розежалися, берегли бы естя града киева и всеѣ моей вотчины». После этого великокняжеского приказа оберегать государевы вотчины, богатыри бьют челом с такими словами: «Государь князь Владимер киевской всеславичь отпусти нас в чистое поле мы тебѣ, государю [разрядка здесь и в следующих цитатах *В. М.*], прямыя вѣсти отвѣдаем приведем тебѣ государю языка добраго, тебѣ государю славу великую учинимь себя государь в честь введемь и всему твоему государству похвалу великую учиним многия орды острастимь». Эти слова с беспрестанным повторением титула (государь), с обещанием привести языка доброго (обычный термин походов в степь против татар, встречающийся, например, в Сказании о Мамаевом побоище); обещание учинить государю славу великую и всему его государству, а также «острастить многия орды» — все это носит яркие признаки московского великокняжеского или царского времени с его казенным патриотизмом и холопскими чувствами“.[3]

Приведя слова Ильи Муромца — „хочю голову сложить за государеву чашу и молитвы и за ево хлѣб соль великую“, В. Миллер пишет: „Таким приниженным языком служилого московского человека говорит богатырь, который в былинах стоит за Киев не ради князя и княгини, а ради вдов, сирот и божьих церквей“.[4] И далее: „На пиру Илья Муромец обычным ему в Сказании приниженным языком бьет челом государю «Государь князь владимер всеславич умилосердися пожалуй нас холопей своих...»“.[5]

В. Миллер останавливается еще на таких словах, как „жилец двора государева“, „вотчина“, „пожаловать“. И все это вместе дает ему основание утверждать, что „...везде чувствуется московская приниженность служилых людей и придворное низкопоклонство. Этим холопским духом проникнут вполне составитель Сказания о подвигах семи киевских

[1] Старинная русская повесть. Изд. АН СССР, М., 1941, стр. 188—189.
[2] В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. II, М., 1910.
[3] Там же, стр. 129—130.
[4] Там же, стр. 132.
[5] Там же, стр. 136.